

Земля наша велика и обильна



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

ЗЕМЛЯ НАША ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается



Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

*Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Геorgia Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша*

Ответственный редактор:
С. В. Белецкий

Редколлегия:
Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна...», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладogi и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

<i>В. А. Лапшин.</i> Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения.....	5
<i>Л. А. Губчевская.</i> «Заповедный» — значит «особо хранимый»	8
<i>Л. М. Всевиов</i> (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова.....	11
<i>А. А. Александров.</i> «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи)	14
<i>С. В. Белецкий.</i> Геральдические подвески X–XI вв.	30
<i>Р. Брузис.</i> Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии	50
<i>Ю. А. Виноградов.</i> О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии	61
<i>К. В. Горлов, Н. В. Григорьева.</i> Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладogi	66
<i>Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина.</i> Изборская крепость в первой трети XIV в.	70
<i>Т. Н. Джаксон.</i> О природных чудесах Исландии	84
<i>А. Н. Егорьков, А. В. Плохов.</i> Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища	91
<i>И. И. Еремеев.</i> Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом	99
<i>М. М. Казанский.</i> О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы	113
<i>С. Ю. Каинов.</i> «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения)	125
<i>О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова.</i> Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты	140
<i>А. А. Кищук, О. В. Овсянников.</i> Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского	156
<i>Л. С. Клейн.</i> Спор о варягах как пережитое	183
<i>Н. Б. Крыласова.</i> Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае	201
<i>Ю. А. Кулешов.</i> Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии)	215

<i>А. А. Купранис. О древнерусских весовых эталонах</i>	<i>241</i>
<i>А. В. Курбатов. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным</i>	<i>245</i>
<i>В. А. Лапшин. Первые строители Петербурга</i>	<i>258</i>
<i>П. А. Миляев. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада</i>	<i>267</i>
<i>К. А. Михайлов, А. А. Пескова. Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова)</i>	<i>286</i>
<i>Е. Р. Михайлова. Двухшипные наконечники копий из Которского погоста</i>	<i>298</i>
<i>А. Г. Панкратов. Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси</i>	<i>312</i>
<i>В. Я. Петрухин. Вещий Олег и «могила в Ладогe»</i>	<i>322</i>
<i>Н. И. Платонова. Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии»)</i>	<i>332</i>
<i>А. И. Сакса. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в.</i>	<i>343</i>
<i>Е. В. Салмина, С. А. Салмин. В поисках захабa: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г.</i>	<i>358</i>
<i>Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева. Новая находка из старых раскопок</i>	<i>379</i>
<i>В. Ю. Соболев. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли</i>	<i>384</i>
<i>П. Е. Сорокин, П. А. Васин. Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья</i>	<i>395</i>
<i>Р. Спиргис. Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв.</i>	<i>405</i>
<i>С. В. Томсинский. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля»</i>	<i>424</i>
<i>С. Н. Травкин. Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века</i>	<i>433</i>
<i>Сокращения</i>	<i>439</i>

О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова
(Сургут)

Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты

Топор-секира¹ на севере Европы приобретает особое значение в эпоху норманских завоеваний. Земли Новгорода Великого не стали исключением, и присутствие скандинавов в ряде городов Новгородской республики не вызывает сомнений. С развитием торговых отношений и освоением территорий крайнего севера Европы и Западной Сибири выходцами из земель Новгорода Великого топор-секира как универсальное орудие и оружие, несомненно, был спутником первопроходцев. На памятниках археологии у аборигенного населения Крайнего Севера мы сталкиваемся с находками как самих орудий, так и их моделей, а также амулетов в форме топоров-секир. В данной статье мы представляем комплекс данных, полученных в результате раскопок городища Бухта Находка конца XII — начала XIV в., а также анализ происхождения европейских топоров на севере Западной Сибири и их влияния на культуру аборигенного населения, в том числе религиозную.

Находки целых топоров на севере Западной Сибири достаточно редки. В целом изделия кузнечного производства являются редкой находкой в силу отсутствия исторических традиций железоделательного производства. Это обусловлено несколькими факторами, в частности отсутствием рудных источников. Тем не менее наличие кузнечного производства в ряде средневековых памятников археологически зафиксировано, но оно не являлось выделенным специализированным ремеслом, а скорее было домашним мужским занятием, так называемой «ковкой на обухе». На единичных памятниках рассматриваемого периода, где имеется специализированное кузнечное ремесло, например Тазовская мастерская, при раскопках которой были найдены руда, крицы, остатки кузнечного горна и множество заготовок

¹ Топор (тети, тепать, тятать, тятка?) — м. стар. секира или сокира южн. железное, на-
сталенное орудие для тески и рубки, в котором отличают: лопасть с лезом и обух с проухом,
а обух насаживается на топорнице ср. деревянную рукоять, кривую, выкаченную (Даль
1882: 427). Этимологический словарь Фасмера дает следующую информацию о заимство-
вании из финск.: *tappara* «топор», др.-сканд. *tapaŕox* «боевой топор», из англос. *tæpperaex*
«топорик»; также считается, что оно родственно лат. *securis* «топор» (Фасмер 1987: 79–80,
592). Секира: название оружия восходит к глаголу *сечь*, буквально — «то, чем рассекают»
(Крылов 2005: 356). В данном случае мы считаем уместным использовать оба этих опре-
деления, поскольку топоры и секиры могли быть использованы как в утилитарном, так и
в боевом назначении и подразумевают универсальность орудия.

и отходов кузнечного производства (Визгалов и др. 2018). Но большая часть высокотехнологичных предметов кузнечного производства у аборигенов Севера была импортной, в том числе и топоры. Такая ситуация сохранялась на протяжении всего средневековья.

На сегодня можно считать, что до IX в. единственным видом рубящего универсального орудия на севере Западной Сибири были втульчатые топоры. С началом массового поступления в эти земли в IX–XI вв. проушных боевых и рабочих топоров более архаичные втульчатые топоры-тёсла начали выходить из употребления и к XII–XIII вв. практически перестали использоваться. По мнению А. П. Зыкова, проушные топоры в регионе появляются на рубеже IX–X вв. как импорт из Волжской Болгарии, а поступление к народам севера Западной Сибири топоров с территории Северной Руси начинается со второй половины X–XI вв. (Зыков 2008). Мы считаем, что импорт проушных топоров к народам Крайнего Севера из Северной Руси мог начаться не ранее XI в., что согласуется с летописными сведениями. Лаврентьевская летопись под 1096 г. отметила торг новгородцев с жителями Севера: «но кажутъ на железо, и помагають рукою, просячи железа; аще же кто дастъ имъ ножъ или секиру, дають скорою противу» (ЛЛ: 235). Отметим, что А. П. Зыков датировал вещи на основе сравнительно-типологического анализа, без привлечения других методов (например, радиоуглеродного), а, как известно, архаичные формы любых ремесленных изделий могли существовать и воспроизводиться длительное время, и, соответственно, топоры форм середины X в. вполне могли появиться у жителей Крайнего Севера и на рубеже XI–XII вв.

С распространением проушных топоров начинаются изменения и в культуре аборигенного населения Крайнего Севера. Эти изменения сопровождаются появлением также костяных и деревянных моделей топоров. Отметим, что при раскопках Усть-Полуйского городища I в. до н. э. в мерзлом культурном слое с хорошей сохранностью органических материалов не было найдено бронзовых, деревянных или костяных имитаций втульчатых топоров (Усть-Полуй 2017). Ситуация изменилась в конце XI — XII в. На археологических памятниках Ямала зафиксированы как реальные орудия, так и их модели. Наиболее яркий комплекс, позволяющий раскрыть проблему приобретения, бытования и влияния на религиозную культуру топоров-секир, был получен в процессе археологического изучения культурного слоя городища Бухта Находка XIII — начала XIV в.

Городище Бухта Находка (Кардаш 2011) находится на восточном побережье полуострова Ямал в Ямальском р-не, в 75 км на северо-восток от пос. Яр-Сале, в 60 км к юго-западу от пос. Новый Порт и в 200 км к северу от г. Надыма. Памятник расположен в устье маленькой реки Харде-Яхи (Городская река), на правом устьевом мысу, образованном руслом реки, прорезавшим террасу коренного берега залива. В окрестностях поверхность преимущественно сырая, кочковатая, покрыта тундровой растительностью. Территория памятника заросла высокотравьем, в окрестностях произрастают карликовая береза и ива.

Площадка, где был размещен оборонительно-жилой комплекс, представляет небольшой хорошо дренированный участок мыса высотой около 10 м от среднего уровня воды в реке, примерно соответствующего нулевой отметке в Балтийской системе высот. Сейчас остатки сооружения выглядят как овальная сопка размером 25 × 40 м, высотой около 5 м.

В результате раскопок городища Бухта Находка в течение шести полевых сезонов был полностью изучен верхний строительный горизонт сооружений оборонительно-жилого комплекса (Кардаш 2009; 2010; 2013а; Рудковская 2012). Его внешние размеры составляют около 35×25 м, а внутреннего жилого пространства — примерно 28×23 м. В плане городок имел форму прямоугольника, ориентированного по оси северо—северо-восток — юго—юго-запад.

Внутреннее пространство поселения занимали восемь жилых строений, расположенных в два ряда (по четыре в каждом). Осью симметрии служила узкая центральная улица-проход, по обе стороны которой, друг напротив друга, располагались постройки. Собственно «улица» была ограничена наружными стенами фасадов построек. Между собой соседние постройки каждого ряда имели общую стену-перегородку. По периметру городок окружала наружная стена, формировавшая теплоизоляционную защиту от неблагоприятных погодных явлений и от боевых нападений. Наружные стены городка представляли собой конструкцию, сложенную из торфяных и дерновых брикетов с каркасом из одного-двух рядов вертикально установленных жердей и бревен небольшого диаметра. Все пространство оборонительно-жилого комплекса имело единую жердевую кровлю с берестяной гидроизоляцией, удерживаемой слоем грунта и дерновым гнетом. Снаружи городок выглядел как поросшая травой обособленная сопка высотой 10–15 м.

Все постройки были жилыми и выполнены в единой архитектурной традиции. Общий размер построек не превышал $7,5 \times 7,0$ м при высоте не более 3–4 м. Внутреннюю планировку строения формировало центральное жилое помещение размером $4,5 \times 5,0$ м, снабженное открытым очагом. По периметру центрального помещения находилась неотапливаемая галерея — круговой обход шириной 0,5–1,5 м. Пространство галереи формировалось за счет стен центрального помещения и межжилищных и наружных стен городка. Галерея выполняла теплоизоляционную функцию и, очевидно, служила для хранения продуктов питания, одежды и утвари, то есть имела хозяйственное назначение. Эти дома имели основной входной проем над очагом и дополнительный малый в одном из боковых фасадов, выходивших на центральную «улицу».

Анализ предметов позволил определить временной интервал функционирования последнего сооружения в пределах середины XII — начала XIV в. Уточненная датировка получена по древесным спилам. Время основания поселения в устье Харде-Яхи определяется около 1084 г., а строительства последнего оборонительно-жилого комплекса — 1219–1225 гг. (Sidorova et al. 2017: 146–152). Отсутствие образцов, датированных позднее 1285 г., судя по периодичности ремонтов сооружения, позволяет считать, что время функционирования городка можно ограничить первым десятилетием XIV в. (ок. 1300–1310 гг.). Таким образом, весь период существования городища Бухта Находка укладывается в интервал конец XI — первое десятилетие XIV в., а последнего сооружения — начало XIII — первое десятилетие XIV в. (ок. 1219–1310 гг.).

Всего в процессе исследований было найдено два железных топора, бронзовая подвеска-амулет в форме секиры и пять моделей топоров (четыре костяные и одна деревянная).

Топоры (2 экз.)

Целый топор (рис. 1, 1) относится к типу проушных. Он имеет форму вытянутой трапеции, длина 16,9 см, лезвие изогнутое, скошенное к рукояти шириной 10,4 см, вырез с тыльной стороны лезвия плоский, относительно втулки, обух с двумя боковыми щекавицами шириной 5 см. Втулка овальной формы, размерами 4,5 × 3,9 см. Был обнаружен в северной галерее постройки № 7. Фрагмент топора (рис. 1, 2) имел округлую проушину диаметром 4,4 см и две пары боковых щекавиц. Был обнаружен в постройке № 3.

По типологии Я. Петерсена топоры-секиры относятся к типу «Е» и датируются второй половиной IX — X в. (Петерсен 2005: 73–74), что соотносится с эпохой интенсивных связей Руси со Скандинавией. Первые следы пребывания норманнов в Ладоге датируются серединой IX в. В X–XI вв. варяжские торговые корабли регулярно ходили на Русь; в Новгороде норманским купцам принадлежала церковь св. Олава, русским — церковь в Сигтуне. На интенсивные связи Новгорода со Скандинавией указывают вещи норманского круга, обнаруженные в слоях X–XI вв. Новгорода Великого (Носов, Хвощинская 2004; 2014; Носов и др. 2017). Сходные исторические процессы на Руси и в Скандинавии создали условия для этнокультурного синтеза, для взаимопроникновения таких социально значимых элементов культуры знати обоих регионов, как погребальный обряд, вооружение, одежда и проч. (Даркевич 1985: 391–392).

По мнению В. Е. Коршуна, топоры с большей приподнятостью верхнего края лезвия, меньшим полукруглым вырезом в основании, овальным или подтреугольным отверстием для топорича, двумя парами треугольных боковых щекавиц и плоским обухом характерны для Центральной и Северной Европы и для Древней



Рис. 1. Железные проушные топоры, городище Бухта Находка, строительный горизонт 1219–1300–10? гг.; 1 — топор (железо), постр. № 7; 2 — топор, фрагмент обуха (железо), постр. № 3

Руси являются импортными (Коршун 2010: 28). Подобные железные секиры разновидности «Б» типов VI, VII, VIII наиболее характерны для территории юго-восточного Приладожья периода XI–XIII вв. (Кирпичников, Медведев 1985: 310–311, 339, табл. 127, 22–24). Данный тип топоров, по мнению Б. А. Колчина, принадлежит к числу орудий деревообработки и отнесен к переходному типу, характерному для Новгорода Великого XII–XIII вв. (Колчин 1985: 255, 281, табл. 97: 8–11).

Подвеска-амулет (1 экз.)

Подвеска (рис. 2, 1) изготовлена из бронзы. Размеры $6,7 \times 7,0 \times 1,3$ см при толщине лезвия 0,2 см. Подвеска с обеих сторон орнаментирована в средней части лезвия двумя рядами выпуклых треугольников, между ними расположен ряд выпуклых квадратов. В центральной части лезвия проделано круглое отверстие диаметром 0,5 см, орнаментированное валиком, рассеченным наклонными поперечными желобками и двумя треугольниками, направленными к ребрам лезвия. Ребра лезвия орнаментированы также валиком, рассеченным наклонными поперечными желобками. На одном из ребер лезвия имеется декоративный выступ-петелька. Шейка орнаментирована косым крестом, который обрамляет со стороны кромки лезвия валик в виде выпуклых прямоугольников, а со стороны обуха три выпуклых валика. Обух покрыт геометрическим орнаментом. Был обнаружен в южной галерее постройки № 7.

Использование таких подвесок-талисманов зафиксировано не только на территории Древней Руси, но и практически во всей Восточной Европе X–XIII вв. Происхождение амулетов связывают с появлением скандинавов (Голубева 1997: 153, 340, табл. 92, 35–41; Макаров 1992: 41–56; Фюреди и др. 2016: 483–514). У скандинавов богом грозы и молний был Тор. С культом Тора связаны железные подвески-молоточки, широко известные по находкам в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике. На Руси они появились в конце IX — X в. со скандинавскими дружинами и купцами и широко представлены в Ярославском Поволжье и в Гнёздовских курганах. В Древней Руси известны аналогии этим «молоточкам Тора» — миниатюрные железные, бронзовые иногда свинцовые топорики-подвески. Некоторые из них орнаментированы концентрическими кружками и зигзагообразными линиями, в которых исследователи видят символы солнца и молнии. Наиболее ранняя находка амулета происходит из погребения в Киеве (Каргер 1958: 174–176, 201–205, табл. XVI, 10). Это погребение относится к числу дружинных и может быть отнесено к середине X в. Большинство таких находок связано с мужскими погребениями X–XI вв. В XI–XII вв. топорики-амулеты встречались и в женских погребениях (Успенская 1967: 119).

В XI в. производство топорики-оберегов стало серийным, появились стандартные формы в виде широколезвийных секир, отливавшихся из бронзы. Подвески-топорики найдены в слоях XI в. в Новгороде (Седова 1981: 26, рис. 7–9; Носов и др. 2017: 49–50), Дрогичине, Суздале. На территории Древней Руси известно несколько десятков таких находок. Единичные экземпляры найдены в прилегающих территориях Латвии, Литвы, Польши, Финляндии, Швеции и Дании. Топография находок указывает на тесную связь их с военно-дружинной верхушкой

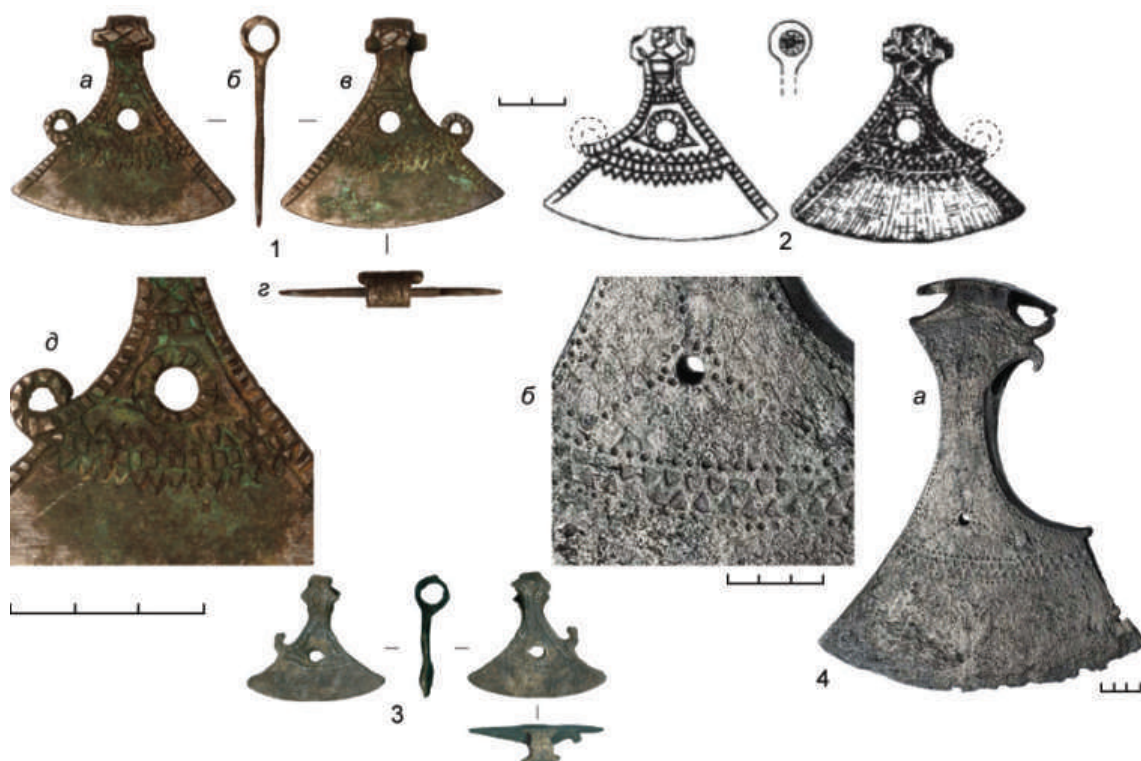


Рис. 2. Бронзовые амулеты-секиры и железный проушный топор — сравнительный анализ: 1 — Городище Бухта Находка, строительный горизонт 1219–1300–1310? гг.: 1а–в — амулет-топор (бронза), постр. № 7; 1д — деталь: центральная орнаментальная композиция; 2 — святилище Болванский Нос 1 X–XIII вв. (по: Хлобыстин 1992: 164, рис. 1); 3–4 — Новгород Великий XI–XII вв.: 3а–3г — амулет-топор (бронза) XII в., Софийская сторона, Людин конец (Троицкий раскоп XIII, усадьба Ж, XII в. (по: Янин и др. 2018: 232, рис. 5: 6); 4а — топор (железо) XI в., Дубошин раскоп, Торговая сторона г. Великий Новгород, ул. Суворовская (по: Колчин и др. 1985: 156, рис. 295); 4б — деталь: центральная орнаментальная композиция

общества, концентрировавшейся в городах (Голубева 1997: 153–165). Такого же мнения придерживается Н. А. Макаров, считая, что они относились к новому этапу развития дружинной культуры, сохранявшей в силу специфического уклада жизни профессиональных воинов языческие верования и после принятия христианства (Макаров 1992: 51). Голубева связывает их распространение в славянской среде со славянскими военно-дружинными отрядами, продвигавшимися на далекие окраины (Голубева 1997: 153–165).

Прямой аналогией публикуемому амулету является находка топорика-амулета на святилище Болванский Нос 1 на острове Вайгач (рис. 2, 2); возможно, это изделие вышло из той же мастерской (возможно, выполнено тем же мастером), что и амулет с городища Бухта Находка. Святилище Болванский Нос 1 датировано X–XIII вв. (Макаров 1992: 48, рис. 5, 2). По мнению Н. А. Макарова, этот амулет, как и множество других вещей древнерусского производства, является свидетельством налаженных торговых взаимоотношений между новгородцами и югорцами.

Близки амулету с городища Бухта Находка амулеты-топорики, найденные в Новгороде. Один из них (рис. 2, 3) обнаружен в Людином конце средневекового Новгорода. Именно Людин конец связан с «Югорщиной», построившей храм Святой Троицы. Весьма вероятно, что «Югорщина» — это некая корпорация первых новгородцев, осуществлявших торговлю и промысел в Югре. Заметим, что на одной усадьбе с амулетом был обнаружен комплекс предметов скандинавского происхождения, среди которых наконечник ножен меча, костяная булава с орнаментированной головкой, железные амулеты и бронзовая привеска «рыбья голова» (Янин и др. 2018: 231).

Реальным прототипом для подвески-амулета с городища Бухта Находка могли быть секиры с широким, симметрично расходящимся лезвием (тип VII по А. Н. Кирпичникову). Топоры этого типа бытовали на территории Руси в XI–XIII вв., а в Прибалтике — вплоть до XIV в. (Кирпичников 1966: 38, рис. 6; Макаров 1992: 44–48, рис. 5). Орудие со схожей орнаментацией найдено в Новгороде (рис. 2, 4) в слоях XI в. на Дубошином раскопе. Этот топор орнаментирован с обеих сторон в средней части лезвия двумя рядами штампованных треугольников, обрамленных точечной насечкой. Такая же насечка окружает отверстие в середине лезвия и образует бордюр вдоль краев лезвия до проуха. Сходный орнамент из двух рядов треугольников имеют также топоры из Восточной Пруссии и Эстонии, а точечную насечку — экземпляры из Тронхейма (Норвегия), Эстонии и Латвии. Однако в комбинации, даже подобной имеющейся на новгородском топорике, оба вида орнамента нигде больше не встречены. Это обстоятельство позволяет считать его изделием новгородского мастера, объединившего два вида декора и дополнившего художественный облик топора оригинальными волютообразными щекавицами и косицами (Артемьев 1994: 28).

Металлографический анализ изделия не проводился, но не исключено, что данный топор принадлежит к продукции скандинавского кузнеца в Великом Новгороде. В любом случае, кто бы ни был автором топора из Дубошиного раскопа и топориков-амулетов из Троицкого раскопа и городища Бухта Находка, все они имеют несомненную связь со скандинавским населением Древней Руси. Поражает близость орнаментальной композиции железного изделия и бронзового амулета, причем совпадения имеются даже в орнаментальных элементах. Зигзаг на лезвии топора из Дубошиного раскопа сформирован рядами оттисков *треугольного* чекана, а на подвеске-секире из городища Бухта Находка ряды зигзагов на лезвии также формируют ряды рельефных треугольников (рис. 2, 1д, 4б). Вероятно, новгородский топор с Торговой стороны или аналогичные изделия послужили прототипом для ямальского амулета, а местом его изготовления могли быть мастерские Новгорода Великого.

Модели топоров

Топорики из рога (4 экз.). Все они близки по форме и конструкции, отличаются размерами и небольшими деталями. Два топорика найдены в постройке № 1, по одному — в постройках № 2 и 4.

Первый топорик из постройки № 1 (рис. 3, 5). Целый, в форме вытянутой трапеции с широким изогнутым основанием-лезвием и вытянутым прямоугольным обухом.

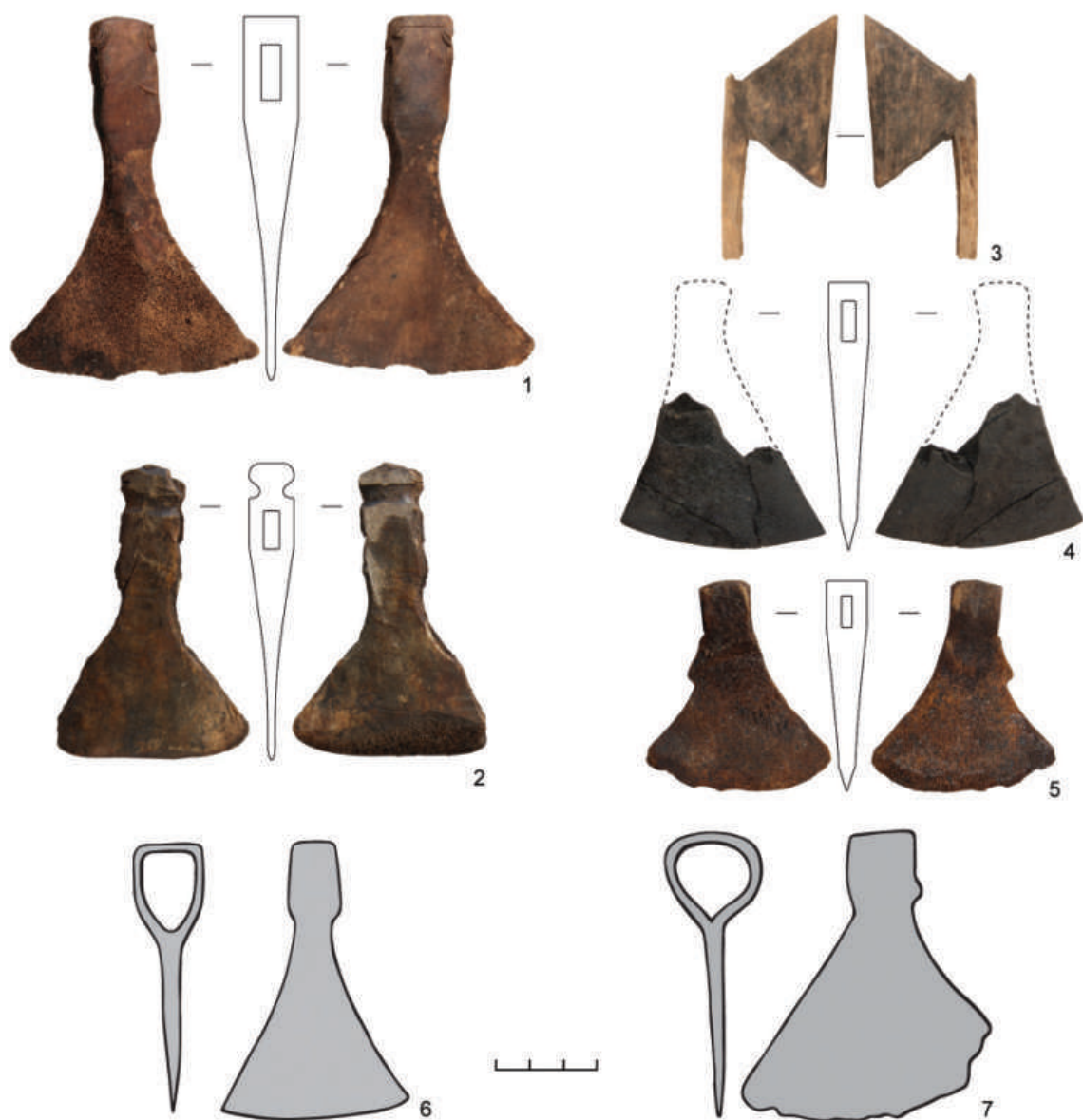


Рис. 3. Модели проушных топоров. 1–5 — Городище Бухта Находка, строительный горизонт 1219–1300–10? гг.: 1 — модель топора (рог северного оленя), постр. № 4; 2 — модель топора (рог северного оленя), постр. № 1; 3 — модель топора (дерево), постр. № 4; 5 — модель топора (рог северного оленя), постр. № 1; 6 — модель топора (железо), Тимерево, IX–XI вв. (по: Макаров 1992: 52, рис. 9–1); 7 — модель топора (железо), Фюркат, X в. (по: Макаров 1992: 52, рис. 9–2)

Со стороны шейки, обращенной к рукояти, имеется выступ, напоминающий шип, как у плотницких топоров. Насколько это может быть связано с прототипом — непонятно. Размеры рабочей части топора — $6,5 \times 5,6 \times 1,4$ см. Лезвие имело заточенный рабочий край. Предусмотрена проушина для явно деревянной рукояти.

Второй топорик из постройке № 1 (рис. 3, 2). Целый, в форме вытянутой трапеции с широким, почти прямым основанием-лезвием и вытянутым прямоугольным обухом; обух выделен желобом по периметру, возможно для ремонта трещины при вырезании проушины. Размеры рабочей части топора — $8,5 \times 5,8 \times 1,8$ см.

Предусмотрена проушина для рукояти, которая явно предполагалась деревянной. Лезвие имело заточенный рабочий край.

Топорик из постройки № 2 (рис. 3, 4). Фрагмент лезвия от топора в форме вытянутой трапеции с широким изогнутым основанием-лезвием, скорее всего имел вытянутый прямоугольный обух. Лезвие имело заточенный рабочий край.

Топорик из постройки № 4 (рис. 3, 1). Целый, в форме вытянутой трапеции с широким, почти прямым основанием-лезвием и вытянутым прямоугольным обухом. Размеры рабочей части топора — $10,5 \times 7,5 \times 1,8$ см. Предусмотрена проушина для рукояти, которая вырезалась отдельно, очевидно, из дерева. Лезвие имело заточенный рабочий край. Судя по зарубкам на верхних гранях, предполагался заостренный верх обуха (клевец?), но эта деталь не была завершена.

Топорик из дерева (1 экз.). Найден в постройке № 4. Это миниатюрная и упрощенная модель (рис. 3, 3). Топор и топориче вырезаны из цельного куска древесины, форма топора в целом близка форме топора из рога: широкое прямое лезвие, плоскость топора резко сужается к обуху. Размеры рабочей части топора — $5,0 \times 3,2 \times 0,4$ см. Рукоять имеет овальное сечение, фрагментирована.

Территориально и типологически наиболее близкая синхронная аналогия описанным предметам — это модель топорика из городища Ярте VI, функционировавшего с конца XI до середины XII в. (Плеханов 2014: 96, табл. 44, 359). В коллекции моделей топоров этого памятника практически все такие изделия выполнены в близком соответствии реальным орудиям (Плеханов 2014: 96, 97, табл. 44, 45).

Имеются более ранние, типологически идентичные модели, изготовленные из железа и обнаруженные в результате раскопок ряда археологических памятников X в. скандинавских стран (Roesdahl 1977). Н. А. Макаров приводит описание одного из таких топориков, который имеет симметрично расширяющееся широкое прямое лезвие и вытянутый прямоугольный обух без щековиц (рис. 3, 7). Размеры описанного топорика — $8,3 \times 5,6$ см — идентичны размерам костяного топорика из постройки № 1 (рис. 3, 5). Относительно этих находок Н. А. Макаров приводит гипотезу Э. Рёйсдала о их символическом значении и, как следствие этого, о возможном влиянии скандинавской традиции на древнерусскую, поскольку именно в X в., в период оживленных славяно-скандинавских контактов, модели топоров-секир начинают попадать на Русь и становиться частью культуры. Очевидно, что распространение этих топориков, имеющих сакральное значение, произошло немногим позднее и у народов Крайнего Севера, в процессе освоения выходцами из земель Новгорода Великого. Считаем необходимым особо подчеркнуть не только формально-типологическое, но и параметрическое соответствие костяных моделей топоров из Бухты Находка и железных из Скандинавии. Это, в свою очередь, может служить косвенным свидетельством знакомства югорских резчиков с железными прототипами. Поскольку у жителей Крайнего Севера металлообработка и кузнечное производство не были развиты, логично предположить, что именно поэтому эти модели изготавливались из рога северного оленя.

В качестве других, более поздних, аналогий следует упомянуть костяной топорик из слоя XVI в. городища Эмдер (Зыков, Кокшаров 2001: 92, рис. 40, 19), а также большую серию деревянных и костяных моделей топоров из слоя конца XVI — первой трети XVIII в. Надымского городка (Кардаш 2013б: 261, рис. 3.65). Подобные

топорики также присутствуют на Полуйском мысовом городке конца XVI — первой трети XVIII в. (Кардаш 2013в: 276, рис. 3.58, 1–7).

Рассматривая в целом назначение топора, следует акцентировать внимание на универсальности орудия: его могли использовать как в качестве бытового инструмента, так и боевого оружия. В древнерусских письменных источниках он часто употребляется под термином «сокира» или «секира» (Срезневский 1912: 891–892).

По сообщению Ибн Фадлана, видевшего воинов-русов на Волге, «при каждом из них имеется топор, меч и нож, [причем] со всем этим они [никогда] не расстаются» (Ковалевский 1956: 141). Лев Диакон в описании русско-византийской войны 970–971 гг. отмечает боевое применение секир наряду с мечами. А в письме епископа Бруно к Генриху II в 1008 г. сообщается, что войска Владимира Святославича были вооружены множеством топоров и мечей (Кирпичников 1966: 51). Широкое распространение топоров в качестве универсального орудия получает в X–XIII вв. на территории Древней Руси и становится предметом импорта на север Западной Сибири.

На данном этапе исследования мы считаем, что межрегиональные связи населения Бухты Находка имели преимущественно западное направление и были ориентированы на торгово-экономические отношения с Новгородом Великим, которые проходили вне Обь-Иртышского бассейна. Косвенным подтверждением этого может быть сообщение летописи под 1096 г. о торге новгородцев с жителями Севера: «Югра же людье есть языкъ немъ, и седять съ Самоядьные на полунощныхъ странахъ» (ЛЛ: 235). То есть они вели торг с югорцами и самоедами, которые живут рядом, и в качестве места торга указали: «горы зайдуче [в] луку и моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ техъ кличъ великъ и говоръ, и секутъ гору, хотяще высечися; и въ горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку ихъ, но кажутъ на железо и помавають рукою, просяще железа; наще кто даста имъ ножъ ли, ли секиру, дають скорою противу» (ЛЛ: 235). Предположительно, районом такого торга можно назвать северную оконечность Уральских гор, достаточно близко подходящую к Байдаракской губе (заливу Карского моря). Это территория в 250 км к западу от бухты Находка, вероятно в районе истока реки Усы, притока реки Печоры, по которым функционировал древний речной путь в Югру, между горными вершинами Нгэтенапэ (1338 м) и Хайдыпэ (1235 м). Попасть в предполагаемое место торга жителям Бухты Находка можно было на нартенном транспорте примерно за пять дней пути, минуя Обский бассейн по водоразделам 100 км севернее.

Немаловажным, хотя и косвенным подтверждением прямой меновой торговли населения земель Новгорода Великого с жителями Бухты Находка являются находки вышеописанных топоров русского производства. Кроме того, в культурном слое городища Бухта Находка был найден бронзовый амулет в виде широколезвийного топора-секиры. Использование таких подвесок-талисманов считается характерной чертой населения Древней Руси X–XIII вв., а их происхождение связывают с появлением скандинавов и определяют как этнокультурный маркер (Голубева 1997; Каргер 1958; Успенская 1967; Седова 1981; Дорофеева 2011).

Важно отметить, что на археологических памятниках аборигенов Крайнего Севера реальные проушные топоры появляются синхронно с костяными и деревянными моделями таких топоров. Модели секир полностью воспроизводят реальные

орудия, включая заточку рабочего края лезвия, тем не менее на них отсутствуют следы использования в каком-либо процессе, например игровом. При рассмотрении моделей топориков в Надымском городке следует отметить разнообразие размеров, вплоть до натуральных, и многочисленные следы использования, включая забитость заостренного лезвия, а также фрагментированность сломанных изделий (Кардаш 2013в: 183, рис. 3.65). Представляется очевидным культово-ритуальное назначение моделей топоров из городища Бухта Находка. Косвенным фактом, указывающим на сакральную функцию, является их малое количество. Например, на городище Ярте VI их также небольшое количество — 11 экз. (Плеханов 2014: 96–97, табл. 44–45). Их число примерно соотносится с численностью построек городища Ярте VI, которое равно семи, причем в каждом из двух строительных горизонтов. В городище Бухта Находка, где на восемь построек одного строительного горизонта приходится шесть моделей топоров, включая бронзовый амулет, все находки были обнаружены в разных постройках, лишь в одном строении было найдено две модели.

Мы предполагаем, что эти топоры были атрибутами божеств: семейно-родовых духов-хранителей, размещавшихся в домашних кумирнях. Из этнографических сведений о религиозной культуре коренных народов Севера хорошо известно, что домашних духов-хранителей снабжали реальными предметами вооружения или моделями для защиты от «злых духов» потустороннего мира. Сабля — это непременный атрибут святилищ аборигенного населения XIX–XX вв. (Народы Западной Сибири 2005). Топоры же встречаются очень редко, причем преимущественно на культовых памятниках Крайнего Севера (Народы Западной Сибири 2005). В этой связи может возникнуть вопрос, почему таким предметом для жителей городища Бухта Находка стал именно топор, а не сабля. В вещевом комплексе есть гарда и обойма ножен сабли, а в могильнике Бухта Находка 2 обнаружен обломок сабли. Это говорит о том, что сабля и ее элементы присутствовали в культуре жителей городища, однако сабля не стала оружием защиты у семейного божества.

На наш взгляд, это связано с несколькими факторами. Во-первых, на протяжении XI–XIII вв. начинается активное торгово-промысловое продвижение жителей Новгородской республики на северо-восток по районам Крайнего Севера. Это было непростым предприятием, основное содержание которого — длительное перемещение по пустынным незаселенным территориям. В таких экспедициях универсальные орудия были куда более актуальны, нежели специализированные, включая холодное оружие. Возможно, именно топор становится главным универсальным орудием, используемым первопроходцами в освоении территорий Крайнего Севера и Югры. Секира была неотъемлемым оружием скандинавов, влившихся в древнерусское население новгородской республики. По мнению А. Е. Мусина, среди первопоселенцев будущего новгородского Людина конца были скандинавы, которые принесли с собой элементы материальной, духовной культуры и архаические ритуалы сельских регионов Средней Швеции эпохи Венделя. Архаические элементы культа импортировались новыми переселенцами, вливавшимися в новый этносоциум. Отсутствие единого миграционного механизма скандинавов приводило к «волнообразности» этого процесса и отсутствию непосредственных связей между разновременными группами переселенцев. В свою очередь, это препятствовало полноценному воспроизводству северной религии на Востоке.

Археология определенно позволяет выделить несколько таких «волн», одна из которых датируется 930–950 гг. и находит отражение в материалах Ладоги, Новгорода, Гнёздова и Среднего Поднепровья в виде следов скандинавских строительных ритуалов, в сооружении культовых мест и в формировании стабильной погребальной традиции. На Русь из Скандинавии были перенесены особенности культовой «миниатюризации», связанной с заменой бытовых предметов, используемых в ритуалах, на их уменьшенные копии (Мусин 2012: 565–586). В погребальных комплексах XII–XIII вв. очень часто встречается именно топор в качестве погребального инвентаря, что указывает на его особое значение в жизни воина. На присутствие потомков скандинавов в составе торговых экспедиций указывают характеристики топора, обнаруженного в культурном слое городища Бухта Находка, а именно форма отверстия для топорища. У орудий, идентичных ранним скандинавским формам, она была овальной с плоским обухом, в то время как у русских топоров само отверстие было округлым с цилиндрическим обухом (Коршун 2010: 22–27).

Вторым фактором, оказавшим влияние на принятие топора в качестве сакрального оружия родового духа жителей Крайнего Севера, скорее всего, является непосредственное взаимодействие между людьми, осуществлявшими торговые контакты. Из летописей нам известно, что первые контакты были немymi, что указывает на явное лингвистическое различие и неразвитость языкового общения, однако в той же летописи указано: «югричи же рекоша отроку моему» (ЛЛ: 235), что явно свидетельствует о некоем общении, возможно, через переводчика. По мнению Г. Л. Новиковой, будучи предметами культа, амулеты сохраняли свое значение только для носителей этого культа и не могли выступать в качестве постоянных составных частей торговых сделок между представителями различных религиозных верований, а ареал их находок объясняется пребыванием на этой территории их владельцев (Новикова 1988: 37–38). Это может указывать на состав торговой экспедиции, в которой были люди, имевшие все соответствующие внешние атрибуты: топор-секиру и амулет. Жители Югры могли видеть как амулеты, так и реальные орудия, которые явно привлекали внимание и вызвали у них интерес. При длительных систематических торгово-меновых контактах внешняя атрибутика новгородцев или ладожан могла быть воспринята югорцами и пояснена торговцами или их переводчиками. Таким образом, эти элементы — как материальной, так и духовной культуры — вполне могли быть заимствованы, и произойти это могло только при непосредственном общении.

Немаловажно подчеркнуть тот факт, что несмотря на длительное существование в материальной культуре жителей севера Западной Сибири втульчатых топоров, начиная с позднего бронзового века моделей таких орудий или амулетов археологически не зафиксировано. Свое дальнейшее развитие в культуре аборигенного населения Крайнего Севера получают именно модели проушных топоров, появившиеся на рубеже XI–XII вв. Таким образом, мы можем говорить о заимствовании элемента духовной культуры, связанного с реальными орудиями и амулетами-оберегами, с дальнейшей трансформацией его в духовной сфере в форму сакрального атрибута домашнего божества. Следует также обратить внимание на материал, из которого они изготовлены, — рог северного оленя. Как известно, одним из его предназначений является защита от хищников. Вполне возможно, что это свойство в качестве естественного орудия защиты также было использовано

для создания моделей топоров, которыми наделяли божеств для защиты от потустороннего мира.

Определенным подтверждением вышесказанному может служить находка амулета-секиры на святилище Болванский Нос 1, который наряду с амулетом из городища Бухта Находка является материальным свидетельством трансформации части духовной культуры под влиянием торговых контактов. Причем эти амулеты-секиры были осознанным предметом торгового обмена, как со стороны новгородцев, так и со стороны жителей Крайнего Севера.

Форма моделей топоров с прямым лезвием, изготовленных из рога северного оленя, соответствует большинству топоров, найденных в скандинавских странах и на территории Древней Руси, изготовленных из железа и относящихся к X в. По мнению Н. А. Макарова, присутствие скандинавов во внутренних районах Севера ограничивалось в основном Белозерской округой, а пик их активности приходится на вторую половину X — рубеж X–XI вв. Исходной точкой маршрута могла быть Ладога, в которой варяги постоянно проживали в IX–X вв., наряду со славянами и финно-уграми, и которая в первой половине XI в. управлялась норвежскими ярлами, родственниками Ингигерд, жены Ярослава Мудрого (Макаров 1993).

Модели топоров из рога северного оленя изготовлены в очень близком соответствии со скандинавскими прототипами, также не орнаментированы, что подчеркивает их близость. Все такие предметы предполагали явное ритуальное или какое-либо сакральное назначение и вряд ли могли служить в качестве товара.

Подведем некоторые итоги сказанному. Поставки железных проушных топоров аборигенным народам Крайнего Севера — летописным «югричам» — происходят с конца XI в., то есть со времени начала функционирования городища Бухта Находка, а также городища Ярте VI. Жителям Южного Ямала XI–XIII вв. поступают формы топоров, типологически соответствующие как русским типам XI–XIII вв., так и ранним скандинавским X в.

Кроме орудий труда в качестве предмета импорта зафиксированы амулеты в форме топора-секиры, происхождение и бытование которых связывают со скандинавами. Это позволяет предположить участие в торговых операциях на Крайнем Севере в числе новгородцев потомков выходцев из Скандинавии, живших в Новгороде Великом или Старой Ладоге.

С рубежа XI–XII вв. в культуре аборигенных народов Крайнего Севера появляются костяные и деревянные модели проушных топоров. Мы предполагаем их культово-ритуальное назначение в качестве сакрального атрибута домашнего божества, предназначавшегося для защиты семей. Данный элемент духовной культуры был заимствован у представителей новгородских торгово-промысловых экспедиций в результате систематических контактов при непосредственном общении. Восприятие сакрального значения реального топора и секиры в виде амулетов могло быть передано жителям Крайнего Севера только вербально-коммуникативными методами.

Моделирование аборигенами Крайнего Севера скандинавских железных топоров X в. позволяет предполагать возможность более ранних торговых контактов жителей Югры с населением северо-востока Европы, причем мы не исключаем вероятность прямых контактов с новгородцами славяно-скандинавского происхождения.

Место летописного упоминания первых контактов новгородцев и югричей — аборигенного населения Крайнего Севера — на наш взгляд, соотносится с северной оконечностью Уральских гор, территорией, расположенной в 250 км к западу от городища Бухта Находка. Вполне возможно, что в источнике описаны контакты жителей городища Бухта Находка и Ярте VI, что подтверждает прямые торгово-экономические контакты конца XI — XIII в. между населением Новгорода Великого и жителями Крайнего Севера.

Литература

- Артемьев 1994 — *Артемьев А. Р.* Орнаментированные топоры из раскопок средневекового Новгорода // ННЗИА. 1994. Вып. 8. С. 156–166.
- Визгалов и др. 2018 — *Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Коноваленко М. В.* Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV вв. в низовье реки Таз // Лапшин В. А. (отв. ред.). Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 ч. Ч. I. Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. С. 437–460 (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII).
- Голубева 1997 — *Голубева Л. А.* Амулеты // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 153–165. (Археология с древнейших времен до средневековья в 20 т.).
- Даль 1882 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. 704 с.
- Даркевич 1985 — *Даркевич В. П.* Международные связи // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 387–411. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).
- Дорофеева 2011 — *Дорофеева Т. С.* Амулеты X–XIII вв. с Городища под Новгородом // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород: [Б. и.], 2011. С. 25.
- Зыков 2008 — *Зыков А. П.* Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII веках. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008. Архив ПниАЛ УрФУ. Ф. III. Д. 4007, 407А.
- Зыков, Кокшаров 2001 — *Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.* Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.
- Каргер 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 579 с.
- Кардаш 2009 — *Кардаш О. В.* Отчет о НИР: комплексное изучение городища Бухта Находка в 2008 году. Нефтеюганск: [Б. и.], 2009. 178 с.
- Кардаш 2010 — *Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2009 году. Нефтеюганск: [Б. и.], 2010. 168 с.
- Кардаш 2011 — *Кардаш О. В.* Городок Сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). Екатеринбург; Нефтеюганск: АМБ, 2011. 60 с.

- Кардаш 2013а — *Кардаш О. В.* Отчет о научно-исследовательской работе: комплексное изучение городища Бухта Находка в 2013 году. Нефтеюганск: [Б. и.], 2013. 187 с.
- Кардаш 2013б — *Кардаш О. В.* Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI — первой трети XVIII в.: история и материальная культура). Екатеринбург; Салехард; Магеллан, 2013. 360 с.
- Кардаш 2013в — *Кардаш О. В.* Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI — первой трети XVIII в.: история и материальная культура). Екатеринбург; Салехард; Магеллан, 2013. 380 с.
- Кирпичников 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. II: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. 181 с. (САИ. Вып. Е1-36).
- Кирпичников, Медведев 1985 — *Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 298–363 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).
- Ковалевский 1956 — *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьковского ГУ им. А. М. Горького, 1956. 345 с.
- Колчин 1985 — *Колчин Б. А.* Ремесло // Колчин Б. А. (отв. ред.). Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 243–273 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).
- Колчин и др. 1985 — *Колчин Б., Янин В., Ямичиков С.* Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 167 с.
- Коршун 2010 — *Коршун В. Е.* Рабочие и универсальные топоры XIX–XVII вв. // Родная старина. 2010. № 4. С. 22–31.
- Крылов 2005 — *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграф-услуги, 2005. 432 с.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М.: Изд-во Восточной литературы, 1962.
- Макаров 1992 — *Макаров Н. А.* Древнерусские амулеты-топорики // Российская археология. 1992. № 2. С. 41–56.
- Макаров 1993 — *Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. М.: ИА РАН, 1993. 192 с.
- Мусин 2012 — *Мусин А. Е.* Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии: общее и особенное // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 555–602.
- Народы Западной Сибири 2005 — Гемуев И. Н., Молодин В. И., Соколова З. П. (отв. ред.). Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. 805 с. (Народы и культуры).
- Новикова 1988 — *Новикова Г. Л.* Языческая символика кресаловидных привесок // АИППЗ. Древнерусское язычество и его традиции. Псков: Псковский объединенный музей-заповедник, 1988. С. 37–38.
- Носов, Хвощинская 2004 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Макаров Н. А., Чернецов А. В., Лопатин Н. В. (ред.). Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 227–233.
- Носов, Хвощинская 2014 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Предметы вооружения с Рюрикова городища (по материалам раскопок 2011–2012 гг.) // SP. 2014. № 6. С. 47–54.

- Носов и др. 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XLIX).
- Петерсен 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 237 с.
- Плеханов 2014 — Плеханов А. В. Ярте VI — Средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 122 с.
- Рудковская 2012 — Рудковская М. А. Отчет о научно-исследовательской работе: Комплексное изучение городища Бухта Находка XII–XIV вв. в 2012 г. Нефтеюганск: [Б. и.], 2012. 238 с.
- Седова 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Срезневский 1912 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1912. 910 стб.
- Успенская 1967 — Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Рыбаков Б. А. (ред.). Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Вып. 3. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–87. (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Усть-Полуй 2017 — Корочкова О. Н. (науч. ред.). Усть-Полуй: материалы и исследования: коллективная монография в 2 т. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. Т. 1. — 280 с.; Т. 2. — 232 с. (Археология Арктики. Вып. 4).
- Фасмер 1987 — Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
- Фюреди и др. 2016 — Фюреди А., Тюрк А., Загорхиди-Цигань Б. Амулеты-топорики в материале Карпатского бассейна XI–XIII веков: археологические наблюдения о связях Венгрии с Русью во время раннего периода династии Арпадов // III Международный Мадьярский симпозиум по археологии. Будапешт, 2016. С. 483–514.
- Хлобыстин 1992 — Хлобыстин Л. П. Святилища острова Вайгач // Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (ред.). Древности славян и финно-угров: доклады 4-го советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 16–22 мая 1986 г. СПб.: Наука, 1992. С. 164–169.
- Янин и др. 2018 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Археологические исследования в Людином конце средневекового Новгорода: открытия последних лет на Троицком раскопе // Лапшин В. А. (отв. ред.). Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 ч. Ч. I. Сургут и др.: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. С. 437–460 (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII).
- Roesdahl 1977 — Roesdahl E. Fyrkat. En jusk vikingeborg. II. Oldsagerne og gravpladsen // Nordiske Fortidsminder. Ser. B. 1977. Bind 4.
- Sidorova et al. 2017 — Sidorova M. O., Büntgen Ulf, Omurova G. T., Kardash O. V., Mygland V. S. First dendro-archaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia // Dendrochronologia. Vol. 44, June 2017. P. 146–152.